

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И.Т. ПОСОШКОВА КАК ПЕРВИЧНАЯ ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В РОССИИ XVIII СТОЛЕТИЯ

И.С. Коковин

Новосибирский государственный
университет экономики
и управления – НИИХ

Ivan.kokov80@gmail.com

В статье анализируются тенденции становления такой дисциплины, как философия экономики. Обосновывается гипотеза о невозможности возникновения автономного философско-экономического знания в России XVIII столетия. Исследуются предпосылки философско-экономических трендов в России. Анализируется история становления научного, рационального типа экономического мышления в России XVIII столетия в рамках религиозно-утопического дискурса. Согласно основному тезису статьи философско-экономический дискурс не мог сформироваться в России XVIII столетия по причине отсутствия культурных предпосылок. Здесь можно говорить о включенности проблемы экономического в религиозно-утопический контекст, констатируется факт неподготовленности культурного пространства к рецепции экономических идей и понятий. Тем не менее потребность в научном экономическом мышлении, способном указать пути модернизации хозяйства, обостряется в связи с известными историческими преобразованиями Петра I, породившими ситуацию конкуренции с европейскими державами в таких областях, как торговля, военное дело и кораблестроение.

Ключевые слова: философия экономики, социальная философия, экономическое мышление, научное мышление, преобразования экономики, социальная рефлексия.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.2-53-61

В настоящее время аналитический интерес к проблеме философии экономики был инициирован кризисными ситуациями, порождаемыми процессом глобализации, ситуацией неустойчивости бытия и ожиданием грядущей катастрофы (не случайно один из последних философских конгрессов в Афинах был посвящен 26 сценариям конца света). Еще в начале XX столетия проблема истоков экономической рефлексии волновала С.Н. Булгакова. Он

писал: «Мы живем в эпоху обостренной экономической рефлексии, напряженного и утонченного экономического самосознания, когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест. Объяснение этому явлению нужно искать, разумеется, не в одном только обострении общего самосознания или саморефлексии, которое наше время вообще отличает, но и в событиях экономической жизни, в непомерном ускорении ее

темпа и колоссальном развитии хозяйства. Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человека куда-то вперед по неведомому и никогда еще не испытанному пути, не то к гибельной бездне, – вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загнипотизированы, вот ошеломляющее впечатление, от которого мы не можем освободиться» [2, с. 41]. В течение последних ста лет капиталистический тип хозяйства, о котором писал Булгаков, претерпел значительные трансформации, однако основная тенденция остается неизменной: «Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства. Вырастают крылья, но и тяжелеют оковы. И это противоречие, разьедающее душу человека, заставляет его сосредоточенно задуматься над вопросом о природе хозяйства» [2, с. 41]. Этика и аксиология экономики становится все более актуальной именно на современном этапе развития цивилизации. По мнению М.А. Пятигорского, философия представляет собой мышление о мышлении [6, с. 50], в поиске ответа на актуальные вопросы современности философская мысль испытывает необходимость в обращении к собственным истокам. В.В. Соколов полагает, что изучение гуманитарно-социальных наук невозможно без основательной осведомленности в их предшествующей истории. Уяснение философской проблематики фактически совершенно невозможно без знания всей ее предшествующей истории [8, с. 5]. Следовательно, осмысление экономико-философских и социально-философских проблем на русской почве невозможно без знания теоретических истоков отечественной экономической мысли. Не случайно в

настоящее время усиливается исследовательский интерес к процессу становления социального и экономического мышления в России. Новое звучание приобретает дискуссия о том, когда именно происходит становление русской философии и какие культурные феномены могут быть определены как полноценная философская рефлексия (единого мнения здесь быть не может).

В исторической литературе наследие И.Т. Посошкова было определено как экономическое и социально-философское. Согласно представлениям отечественных исследователей, русский культуртрегер работал на границе между философским и экономическим дискурсом. А.В. Черняев определяет наследие автора как социальную философию [10, с. 50]. Плеханов, Кафенгауз, Мордухович, Мавродин, Платонов считали И.Т. Посошкова полноценным экономистом [4, с. 37]. Действительно, в настоящее время проблема классификации наследия русского просветителя является весьма дискуссионной. Итак, может ли мировоззрение И.Т. Посошкова быть охарактеризовано как философия экономики, экономическая рефлексия или социальная рефлексия?

Согласно словарю по социальной философии, «Философия экономики занимается рассмотрением оснований экономической науки и включает в себя философию хозяйства, собственности, товара и денег, экономической политики, принципов распределения, потребительского выбора в обществе, экономической природы бюрократии, а также хозяйственную этику. Философ экономики проводит категориальный анализ экономики, исследуется культурная ценность экономических факторов и связи между экономической теорией и мировоз-

зрением» [9, с. 501]. Основной предмет философии экономики (а точнее, экономической рефлексии) определен как «проблема стоимости-цены» [Там же, с. 501].

Специфика научной и философской рефлексии заключается в том, что она зафиксирована в понятиях, однако наследие И.Т. Посошкова не содержит элементов категориального аппарата, характерного для науки или философии. По мнению Д. Платонова, «Книга о скудости и богатстве» Посошкова является довольно сложным, но очень интересным предметом анализа. Самое беглое, первое знакомство с текстом оставляет впечатление определенной поспешности и даже публицистической небрежности. Ученый, привыкший пользоваться определенным аналитическим аппаратом, не встретит ничего подобного» [9, с. 40]. Сам И.Т. Посошков охарактеризовал свое сочинение как «вчерне мнения своего предьявления» [4, с. 50].

Согласно основной гипотезе данного исследования, наследие И.Т. Посошкова не может быть определено ни как философия экономики, ни как социальная философия (ни как экономическая наука). Мы полагаем, что необходимо провести анализ содержащихся в текстах Посошкова экономических понятий (цены, стоимости либо их смысловых субститутов). А также определить уровень целерациональности рассуждений просветителя путем обнаружения в тексте терминов, свидетельствующих о становлении рефлексивного мышления. Кроме того, следует выявить терминологическое оформление проблемы цели и смысла хозяйства у Посошкова, что позволяет сформировать вывод относительно места и роли деятельности просветителя в процессе формирования экономической рефлексии на русской почве.

Есть основания полагать, что в период начала XVIII столетия полноценный философский дискурс в России еще не сложился. Само рефлексивное мышление, имеющее своим объектом общество, могло сложиться на русской почве лишь в результате разложения традиционного мировоззрения. А.С. Соколов полагал, что «специфической чертой данного модуса мировосприятия являлась тенденция к видению спорного предмета не только со своей, но и со всех возможных точек зрения (объективное и беспристрастное понимание), а также стремление к отождествлению своего персонального разума с разумом общественным» [7, с. 5]. Рефлексия, имеющая основным предметом экономические отношения, не могла возникнуть в социуме традиционного типа по причине замкнутости сообществ; представители сельской общины ориентировались на локальную иерархическую структуру (тенденция к политической и экономической самоизоляции локальных аграрных общественных образований отмечались такими исследователями, как А.С. Ахиезер [1] и Р. Пайпс [3]). Как правило, агенты центра не стремились к изменению устоявшихся общественных связей, поэтому бытие экономических институций не могло обрести статус значимой проблемы традиционалистского мировоззрения. Кроме того, философское мышление сформировалось вокруг понятия субстанции либо первоначала, т. е. инварианта, который обуславливает специфику всех процессов и явлений действительности. На русской почве данный процесс завершается лишь в XIX столетии. Есть основания полагать, что модернизация мировоззрения первых русских просветителей, рассматриваемых как экономисты или философы экономики, не имеет под собой оснований.

Для того чтобы интерпретировать творчество И.Т. Посошкова как философию экономики, следует обнаружить в его наследии понятия, коррелирующие с понятием «стоимость» (либо с понятием «труд»), интерпретируемым как субстанция. И, соответственно, реконструировать смысловую связь между понятиями стоимости и цены, а также гипостазировать в наследии просветителя концепт «закон развития», т. е. устойчивую и регулярно повторяемую связь экономических явлений. В наследии Посошкова отсутствуют понятия «закон», «закономерность», а также «элемент», «субстанция», «сущность». Тем не менее есть основания полагать, что наследие И.Т. Посошкова олицетворяет собой первую ступень процесса становления социальной и экономической рефлексии на русской почве, этап формирования тематических полей для описания экономической и социальной реальности (без чего теоретическое осмысление экономических закономерностей было бы невозможным). В данном исследовании проанализирован язык описания экономических явлений, сконструированный И.Т. Посошковым, а также феномен осмысления просветителем проблем смысла и цели осуществления хозяйственной деятельности.

Описывая процесс ценообразования, И.Т. Посошков стремится выразить идею соответствия рыночной цены товара (устанавливаемой произвольно) его утилитарной ценности. «А сей древней купецких людей обычай велми есть не прав, еже и между собой друг другу неправо чинят, ибо друг друга обманывают, товары яко иноземцы, так и русские, на лицо являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи» [5, с. 123]. Посошков отмечает факт несоответствия между ценой и качеством. «А иные

товары и самые плохие да и цену берут неправедную и неискренних людей тем обманом велми изьянят и в весах обвешивают и в мерах обмеривают и в цене облыгают» [Там же, с. 124]. Следует заметить, что русский просветитель не вводит четких критериев различения качественного и некачественного товара, а оперирует понятием «пристойность» товара. «А аще бы в купечестве самая христианская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средние за средние, а плохие за плохие и цену б брали по пристойности товара прямую, настоящую, по чему коему товару цена положена, а излишние б цены ни у какого товара не то что взять, но и не припрасивали б, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывали бы, но во всем поступали б самую правдою, то благодать бы Божия возсияла на купечестве и Божие благословение почило бы на них и торг бы их святой был» [Там же, с. 125]. При этом русский просветитель не стремился к созданию развернутого описания феномена ценообразования, он осмысливает данное явление на интуитивном уровне и полагает, что читатель должен иметь четкие представления о степенях качества товара. При этом используется идиома «настоящая цена». «Такожде над лавкою и пятидесятского и десятского, чтобы купующие, купя какой товар, знали где тот товар показать, прямо ли отвесил или отмерял доброй или плохой и настоящую ль цену взял» [Там же, с. 125]. Вероятно, И.Т. Посошков, будучи сторонником государственной регламентации общественной и экономической жизни, полагал, что чиновники, ответственные за надзор над торговлей, сами имеют представление о качестве товара и соотношении «цена – качество». «И чтобы те десятские и по лавкам досматривали, чтобы никакова товара ху-

дово добрым не закрашивали, но каков кой есть, таков и продавали, доброй за доброй, а средней за средней, а плохой за плохой и весили бы и меряли самую правдою и излишние цены ни у какого товара не прибавляли бы и не припращивали бы, но чего стоит, того бы и просили» [5, с. 125]. По мнению просветителя, представители государственной бюрократии имеют право и возможность устанавливать ценовой регламент. «И самые ради безпорочные правды не худо бы всяким товарам весовым и локотным положить цена уставленная, чтобы она какова в первой лавке, такова была и в последней» [Там же].

Для Посошкова не имеют значение ни реальные затраты производителя товара, ни время, затраченное на его транспортировку. Купцы имеют право договариваться о цене, поддерживая ее на одном уровне. «И тако творя, между всеми купецкими людьми будет мирно и согласно и цены никому уронить будет нельзя. И по чему какому товару цену с общего совета наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возмут» [Там же]. Российское государство может и должно проводить жесткую ценовую политику по отношению к иноземным купцам. «А буде иноземцы, похотят нашим товарам цену снизить, и товаров по наложенной цене брать не станут, то надлежит у маломочных товары все богатым на себя взять» [Там же]. Мотив защиты российского производителя и торговца от конкуренции со стороны иностранного капитала требует поддержания цены на отечественные товары на уровне, позволяющем минимизировать потери для отечественной экономики. «И буде иноземцы, восхотя наших купцов принудить к своему умыслу, еже бы наших русских товаров ценою не возвысить, а своих снизить, оставя торг, поедут за море без

наших товаров, то и свои они товары, с которыми приехали, повезли бы с собою назад» [Там же].

Однако ни в первом (чиновники), ни во втором (купцы) случае просветитель не объясняет принципов и законов ценообразования. Доверяя обыденной житейской интуиции купцов и чиновников, способных устанавливать цену по своему усмотрению, Посошков отдает приоритет монаршей воле (полагая, что царь не может ошибаться, он придает его воле мистическое значение). «А в другое лето буде приедут (иноземные купцы), то надлежит нам на свои русские товары ко установленной прошлагодной цене приложить на рубль по гривне или по четыре алтына или как о том указ великого государя состоится, како бы слично было и денги в том товаре даром не прогуляли» [Там же, с. 126]. Далее И.Т. Посошков говорит о способности монарха управлять процессом ценообразования. «А наш великий император сам собою владеет и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну иметь, то так и может правитися. Мы в своем царстве с воли монарха своего волны на привезенные их товары цену налагать, а буде им не любо, то на ту цену не отдавай, волен он и отдать и не отдать, нам силою у него не отнять» [Там же, с. 126]. Согласно представлениям просветителя, цена на товар, предлагаемый иностранным купцам, может устанавливаться волюнтаристскими методами и отстаиваться с помощью шантажа. Очевидно, И.Т. Посошков не имел представления о тех факторах, под воздействием которых формируется цена иноземных товаров, полагая волюнтаризм иноземных купцов единственным источником ценообразования. «И колико ни есть заморских товаров, на все наложили они цену двойную, да тройную и тем они хошут рос-

сийское царство пригнать ко оскудению» [5, с. 126]. Он допускает, что отстаиваемый им тип торговой политики может привести к прекращению торговли, однако, по его мнению, Россия может существовать и без импортных товаров, зарубежные же государства не могут существовать без русских товаров. Положительные последствия развиваемой им торговой доктрины очевидны: российское государство сохраняет капитал, а отечественные купцы обогащаются. «И естли они, иноземцы, от упрямства своего годы два-три или и пять-шесть торговатца с нами не будут, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будет, потому которые товары покупались у нас в Руси по рублю, то будут уже в покупке по полтине или менши» [Там же, с. 127]. Таким образом, в тексте «Книги о скудости и богатстве» отсутствует анализ механизмов формирования стоимости-цены (механизм ценообразования осмысливается автором интуитивно). Автор не стремится к выстраиванию целерациональной теории хозяйства, однако тематические поля социальной рефлексии, свидетельствующие о переходном характере мышления И.Т. Посошкова, могут быть выявлены в процессе анализа тех фрагментов книги, где автор рассуждает о наполняемости казны и ущербе, который она несет в результате приобретения россиянами предметов роскоши (вин, пуговиц, шелковых тканей и пр.).

Специфика мотивации И.Т. Посошкова, идеология хозяйства и смысл экономической деятельности раскрываются во фрагменте, предваряющем основное содержание книги. «И на тое тречислие написях трелетним своим трудом книжицу и нарекох ю «Книга скудости и богатства», понеже имеет в себе изъяснение, отчего содевается напрасная скудости и от-

чего умножится может изобильное богатство. И притом предложих мнением своим, како бы истребити из народа неправду и неисправности и како бы насадити прямую правду и всяких делех исправление и како бы водрузити любовь и безпечное житие народное» [Там же]. Ниже И.Т. Посошков пишет царю о том, что существует возможность собирать в казну около трех миллионов рублей ежегодно. Русский просветитель сочетает в тексте традиционные суждения о необходимости праведной жизни («по правде») и представления о созидании экономической мощи государства.

Рассуждения о ведении хозяйства содержат в себе элементы христианской этики. Автор явно не разделяет религиозно-этический и экономический дискурсы, для него правда является источником и богатства, и добродетели. «И аще никогда изменения тем новорасположенным делам не будет, то год от году богатство яко царское, тако и всенародное умножится будет. Вражды и обиды вси истрибятца и надеюсь на всецедраго Бога, что аще волею или неволею, обаче разные чины яко военные афицеры с простым народом будут... высокоминные дворяня могут претворитися в кроткия овчата и будут иметь любовь и с простым народом, понеже вси единые державы люди есмы. А егда правда вкоренитца и любовь в людех утвердится, то мочно разумети, что Бог на всех нас призрит милостивым своим призрением и прославит нас во весь свет славою восхопет, понеже вся слава и богатство его в его суть руце Божией» [Там же, с. 218]. Акцентируя внимание монарха на проблемах исправления хозяйственных недостатков, И.Т. Посошков писал: «А аще вышепоказанная дела исправятца и утвердятца, то я крепок на Божию милость надежен,

то его и.в. на кийждой год миллионов по пяти-шти и болшис верх нынешних зборов приходить будет. И аще его ц.в. изволение будет, еже вся сия предложенная моя мнения в дело произвести, елико предрекох о духовных делах и о воинских и о судейских и о купецких и о художных и о земляных и о истреблении разбойников и удержании беглых людей и о земляных делех, о крестьянстве и о нетрудном умножении и собрании его ц.в. казны, то я, за Божиею помощию, без сумнения могу рещи, еже вся наша великая Россия обновитца как в духовности, тако и во гражданстве и не токмо одна царская сокровища наполняетца, но и вси жители российски обоготятца и прославятца» [5, с. 218]. То есть доход, прибыль, наполнение казны государства не являются для И.Т. Посошкова самоцелью, это лишь один из аспектов благополучия. Анализируя текст просветителя, А.Т. Черняев писал, что «богатство» и «правда» в мировоззрении Посошкова непосредственно взаимосвязаны друг с другом, богатство здесь есть по преимуществу атрибут правды, форма ее инобытия, закономерный результат праведной жизни, а богатство нации (или, что то же, царственное богатство) результат праведного общественного жизнеустройства в масштабах страны: «То бо есть самое царству украшение и прославление и честное богатство, аще правда яко в великих лицах, тако и в мизирных, насадится и твердо вкоренится и вси яко богатии, тако и убозии, между собою любовно имут жить, то понеже правда никого обидеть не попускает, а любовь понудит друг другу в нуждах помогати» [10, с. 153]. По мнению А.Т. Черняева, подобный подход к проблеме социальной и экономической гармонии сближает взгляды Посошкова с

представлениями, характерными для народных утопий средневековья. «Это сближает Посошкова с традицией отечественной социально-утопической мысли, где возможность установления справедливой и благополучной жизни увязывалась прежде всего с необходимостью всеобщей и повсеместной реализацией идеала правды» [Там же, с. 154]. Следует заметить, что уровень рационализации (целерациональности) крестьянского сознания был весьма низким и ориентированным на мистическое понимание мира и общества.

Причина всех зол – «застарелая в Руси неправда»: «И разбоев и иного воровства множество чинитца и всякие обиды содеваются в людех не от чего иного, токмо от неправого суда. И крестьяне, оставя свои дома, бегут от неправды и от нездорового разсуждения, и каковые гибели не чиняться, а все от неправды» [Там же]. Подход Посошкова имеет мистические корни: так как Бог является устройтелем жизни, отклонение от его заветов приводит государства к экономическому упадку. Не случайно просветитель уделяет главу критике монастырского и церковного жизненного распорядка, бичует невежество и нерадение священников.

Наследие Посошкова обладает двойственной природой, оно по преимуществу было сформировано средневековой утопической ментальностью, связывающей процветание государства с божественным промыслом (воцарение правды на земле) и содержит лишь отдельные элементы нововременного стиля мышления, ориентированного на достижение успеха в посторонней хозяйственной деятельности. В процессе рассуждений о хозяйстве формируются тематические поля экономической целерациональности. Размышления

просветителя о цене, стоимости, ценообразовании являются, по сути, выражением обыденных взглядов представителя купеческого сословия. Процесс складывания тематических полей экономической рефлексии связан с феноменом поиска источников государственного богатства (лес, пашня, товары, природные ресурсы).

Литература

1. *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Т. 1. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 464 с.
3. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – 424 с.
4. *Платонов Д.* У истоков русской экономической науки. – М.: МАКС Пресс, 2014. – 183 с.
5. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. – М.: РОССПЭН, 2010. – 589 с.
6. *Пятигорский А.М.* Мышление и наблюдение: четыре лекции по наблюдательной философии. – Riga: Liepnieks & Ritups, 2002. – 172 с.
7. *Соколов А.С.* Проблема социальной реальности в классической и марксистской философии. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. – 211 с.
8. *Соколов В.В.* Историческое введение в философию. – М.: Академический проект, 2004. – 912 с.
9. Социальная философия: словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. – М.: Академический проект, 2003. – 649 с.
10. *Черняев А.Т.* Социальная философия И.Т. Посошкова // Предтеча: 350 лет со дня рождения И.Т. Посошкова / ред.: Ю.М. Осипов (пред.) и др. – М.: ТЕИС, 2003. – С. 152–160.

ECONOMIC THINKING OF I.T. POSOSHKOV AS A PRIMARY FORM OF ECONOMIC REFLECTION IN RUSSIA OF THE XVIII-th CENTURY

I.S. Kokovin

Novosibirsk State University
of Economics and Management

Ivan.kokov80@gmail.com

The author analyses the tendencies of the discipline formation such as philosophy of economy. The author hypothesizes that it was impossible to form autonomous philosophical-economic knowledge in Russia of the 18-th century. The prerequisites of philosophical and economic trends in Russia were investigated in the article as well as the history of scientific rational thinking formation within the framework of religiously-utopian discourse in the 18-th century Russia. According to the basic thesis of the article the philosophical-economic discourse could not be formed in Russia of the 18-th century because of the absence of cultural pre-conditions. The economic aspect was included into the religiously-utopian context, the author states the fact, that cultural space was not prepared to accept the economic ideas and concepts.

Nevertheless, there was a need in scientific economic thinking able to specify the way of modernization of economy inspired by historical transformations of Peter I, who generated competition with the European states in such areas as: trade, military business and shipbuilding.

Keywords: philosophy of economy, social philosophy, economic thinking, scientific thinking, transformations of economy, social reflection.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.2-53-61

References

1. Akhiezer A.S. *Rossija: kritika istoricheskogo opyta*. V 2 t. T. 1. [Russia: Criticism of historical experience. In 2 vol. Vol. 1]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1997. 804 p.
2. Bulgakov S.N. *Filosofiya khozjaistva* [Philosophy of economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 464 p.
3. Pipes R. *Russia under the old regime*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1981. 435 p. (Russ. ed.: Paips R. *Rossija pri starom rezhime*. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1993. 424 p.).
4. Platonov D. *U istokov russkoi ekonomicheskoi nauki* [At the sources of the Russian economic idea]. Moscow, MAKS Press Publ., 2004. 183 p.
5. Pososhkov I.T. *Kniga o skudosti i bogatstve* [Book of scarcity and riches]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 589 p.
6. Pyatigorskii A.M. *Myslenie i nablyudenie. chetyre lektzii po observatsionnoi filosofii* [Thinking and supervision: four lectures on observation philosophy]. Riga, Liepnieks & Ritups Publ., 2002. 172 p.
7. Sokolov A.S. *Problema sotsial'noi real'nosti v klassicheskoi i marksistskoi filosofii* [A problem of social reality is in classic and Marxist philosophy]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2006. 211 p.
8. Sokolov V.V. *Istoricheskoe vvedenie v filosofiю* [Historical introduction to Philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 912 p.
9. Kemerov V.E., Kerimov T.Kh., eds. *Sotsial'naya filosofiya: slovar'* [Social philosophy: dictionary]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 649 p.
10. Chernyaev A.T. *Sotsial'naya filosofiya I.T. Pososhkova* [Social philosophy of I.T. Pososhkov]. *Predtecha: 350 let so dnya rozhdeniya I.T. Pososhkova* [Forerunner: 350 years from the day of birth of birth of I.T. Pososhkov]. Ed. by Yu.M. Osipov et al. Moscow, TEIS Publ., 2003, pp. 152–160.